

Конфликт как возможность

Противоречие, не реализованное в действии, просвечивается в тексте как возможность конфликта, притягивая к себе внимание читателей, пробуждая догадки о возможном развитии действия. Такими многочисленными и разнообразными возможностями обеспечивается двойной поэтический эффект. С одной стороны, фиксируется устойчивость мира, в котором конфликты, потрясения, переломы редки и доминирует спокойное течение жизни, не грозящее неожиданными крупными сдвигами. С другой, создается ощущение относительности устойчивого порядка вещей, чреватого противоречиями, готовыми развиться до взрыва налаженного строя жизни. Так, вспыхнувшее чувство Онегина врывается в семейную жизнь Татьяны, и отношения героев, не получившие развития в деревне, страстно побуждаются к развитию Онегиным, но пресекаются теперь уже Татьяною. Тем самым очередная возможность вспыхивает к реализации и гаснет.

Пушкин, как и его Скупой Рыцарь, дорожит потенциальным могуществом, демонстрирует богатство жизненных возможностей, вариантов и не спеша их реализовать. Разнообразие возможных поворотов жизни в ее неиссякаемом развитии представляется поэту более продуктивным, чем остановка на одном из возможных вариантов развития, ограниченность им. Характер конфликтности у Пушкина во многом определяется тем, что в мире Пушкина «реальность громадно расширена прибавлением к наличной действительности целого сонма возможностей» (1, с.147), вследствие чего потенциальные конфликты преобладают над реальными.

В мире Пушкина возможности значат и ценятся даже больше, чем их реализация, в силу своей большей близости к идеалу. Идеал – свобода, то есть возможность выбора. Сделанный выбор внутренне подрывает идеальное ограничение бесконечного, отказом от многого в пользу одного. Конфликт – следствие сделанного выбора в пользу той возможности, из-за которой

вступают в конфликт, и исключением остальных из сферы активного интереса. Ограничивая себя, человек пытается воздействовать на противника, ограничивая возможности выбора и противоположной стороны. Пребывание в конфликтном поле делает несвободными участников конфликта. Таким образом, идеал свободного выбора из многообразия жизни, предполагающий и признание права на злой и бессмысленный выбор, на выбор зла, становится источником конфликтов, ограничивающих уже других людей. Как отказ от потенциальных возможностей во имя реализованной конфликт относится к сфере конечного, ограниченного. Вступивший в конфликт человек ограничивает себя одним желанием, одной потребностью. Ограниченность, концентрация на одном, таким образом, оказывается источником конфликта тем более острого, чем сильнее сосредоточенность человека на предмете своей страсти и отрешенность его от всего, не относящегося к единственному объекту. Ср. у Лермонтова: «Я знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть...»

«Каменный гость» организуется как цепь любовных увлечений Дон Гуана, рассредоточенных во времени. В момент страсти Дон Гуан живет только той, которую любит, и искренне уверен, что с нею начинается его настоящая жизнь («С той поры лишь только знаю цену / Мгновенной жизни») и никого прежде он не любил («Ни одной доньине / Из них я не любил»). Но любовь проходит, и женщина из единственной становится очередной. Содержанием как прошлого («Вслед за ней другие были»), так и будущего Дон Гуана («А живы будем, будут и другие») являются сменяющиеся друг друга женщины. Смерть обрывает движение Дон Гуана на Доне Анне. Незнанием, были бы после Доны Анны «другие», создается многозначная неопределенность, углубляющая перспективы классического образа соблазнителя. Переродился ли Дон Гуан, обретя в конце жизни непреходящее чувство, или только смерть способна остановить его – видимо, только таким вопросом и может завершиться история Дон Гуана.

Артистическая натура Дон Гуана близка Пушкину прежде всего неприятием связующих уз – из всех женщин Дон Гуан возвращается лишь к Лауре. Лаура единственная имеет основания назвать его «верным другом», но только потому, что он и ее «ветреный любовник». Не связывая Дон Гуана своим чувством, Лаура, чей образ является новаторством Пушкина в классической традиции, единственная добивается от него постоянства – того постоянства, на которое способен Дон Гуан.

В известной мере можно утверждать, что Пушкин идет к совершенству – и творческому, и человеческому – и развивая, и преодолевая в себе Дон Гуана. Донжуанскую потребность в безграничном движении и неприятии конечного Пушкин стремится совместить с недоступной донжуанам глубиной и содержательностью, что влечет за собой поиск границ, не сковывающих возможности, но реализующих их с наибольшей полнотой. Пониманием необходимости границ и неизбежности их преодоления для дальнейшего развития отмечена пушкинская художественная конфликтология. Пушкин неизменно пытается выйти за пределы очерченного им самим мира – в безграничность, в безбрежность. Лирические отступления – эти заметки на полях – восполняя недостающую автору полноту основной картины, грозят отвлечением внимания от центра. Конфликт – строго очерченный, являющийся средоточием мира, притягивающий все силовые поля смысла и их пронизывающий – в таком мире невозможен. Тяготение к маргинальности размывает границы конфликта, смягчает напряжение; лирическое теснит драматическое. Вместе с тем в лирических отступлениях основная конфликтная линия находит продолжение, переведенная в план философского обобщения или эмоционального сопереживания.

В художественном мире Пушкина конфликт представлен как одна из многих возможностей, что лишает его «рокового» ореола неизбежности, необходимости. Скорее фиксируется случайность, необязательность многих конфликтов. Онегин мог вести благополучное существование в свете,

подобно «благоразумным» людям, которые не знали страстей, подчиняя жизнь твердому расчету: «Кто охлаждал любовь – разлукой, / Вражду – злословием; порой / Зевал с друзьями и с женой, / Ревнивой не тревожась мукой, / И дедов верный капитал / Коварной двойке не вверял» (2, ХУП). Образ «благоразумного» человека, «доброе малого», застрахованного от конфликтов, является одним из лейтмотивов романа, проходя и через авторские отступления, отражаясь и в судьбах персонажей романа – отца и дяди Онегина, Ларина, создавая фон усредненности для неординарных героев. Как нелепая случайность представлена дуэль Онегина с Ленским. Легкомыслие Онегина и обычный для светского человека автоматизм в подобных ситуациях вплоть до бездумного автоматического выстрела убивают юношу, а вместе с ним и те возможности, которые мог бы испытать своей жизнью Ленский.

По Пушкину, каждый человек осуществляет свой собственный выбор из безграничных возможностей, которые предлагает жизнь. Попытка Онегина уклониться от личного выбора, заменив его следованием светскому кодексу чести, оказывается убийственной для его друга, трагически-переломной для самого Онегина. Свобода выбора не несет губительных последствий только в союзе с ответственностью человека за свой выбор.

Сюжет романа складывается как результат выбора человеком своей судьбы. Онегин имел возможность соединиться с той, в которой позже увидит единственный смысл жизни, и прошел мимо этой возможности. Татьяна уступила уговорам матери и вышла замуж, поскольку «Для бедной Тани / Все были жребии равны» (8, XLVП). «А счастье было так возможно», - могут сказать о себе оба героя, которые в разнообразии «жребиев» выбрали свой и отвечают за свой выбор, как Татьяна, или пытаются переиграть то, что не переигрывается, как Онегин.

Полифонический характер построения произведения определяет параллельность конфликтных ситуаций, разное или сходное решение которых выявляет неоднозначность, сложность, а иногда и отчетливую

тенденцию в развитии жизни. Так, ситуация брака не по любви повторяется в судьбах матери Татьяны, ее няни и самой Татьяны, выявляя типичность судьбы русской женщины, повинующейся долгу и подчиняющей ему свой личный выбор.

Пушкинское приятие жизни во всех ее сторонах – «полусмешных, полупечальных, простонародных, идеальных» - базируется на убеждении, что мир в основе своей устроен по законам истины и красоты. Безобразия в жизни, как в свою собственную, так и общества в целом, вносят люди, отступающие от этих законов, ведущие существование «беззаконных комет» или создающие нормы, правила и традиции, искажающие нормальное течение жизни. Ослабление действенного, событийного аспекта в «Евгении Онегине», большая роль описаний, лирических отступлений, статических сцен (что снижает остроту конфликта, уменьшает роль конфликта в целом в устойчиво-гармоничном мире) может быть объяснена и этим пушкинским доверием к жизни в ее естественном течении, приятием мира, который не всегда выигрывает от вторжения человеческой воли. Пушкин сознательно ограничивает себя перед возможностями жизни, в которых видит лучший вариант развития событий, чем тот, который может предусмотреть его авторская воля и фантазия. Реалистический принцип саморазвития характеров и сюжета как нельзя больше соответствует пушкинскому смирению перед жизнью.

В романтизме сложились два противоположных типа героя. Один (герой Байрона) активно вторгается в жизнь, разрушая общепринятые нормы и условности. Другой разочаровывается в жизни настолько, что безразличную пассивность делает основой поведения. «Мне безразлично... нахожусь ли я здесь или в другом месте», - говорит герой Констана. «Все были жребии равны» - равенство вариантов, одинаково неприемлемых унаследует от своих романтических предшественников Татьяна в период отчаяния и безнадежности. Но многие пушкинские герои склонны к пассивности как к следствию затруднения выбора, свойственного и автору. У

констановского Адольфа все представляется одинаково чуждым и лишенным смысла, а потому сама свобода выбора бессмысленна. Творческий дар – дар отыскивать смыслы в каждом явлении жизни – делает затруднительным выбор именно вследствие богатства и необъятности исходящих от жизни возможностей. Пушкинские герои часто отказываются или отвлекаются от конфликта, увлеченные течением жизни. Но и разгар конфликта может вызвать у них ощущение «тайной прелести» («Тайну прелесть находила и в самом ужасе она» --5, УП), если они способны увидеть ситуацию со стороны, а может погрузить и в безутешное горе («И облегченья не находит / Она подавленным слезам, / И сердце рвется пополам» --7, ХШ). В любом случае, пережив конфликт, личность готова признать и моменты благотворного его влияния на свою судьбу и правоту оппонента («Вы были правы предо мной: / Я благодарна всей душой» --8, ХЛШ).

Пушкина пугает не конфликт, а те ситуации жизни, когда какие бы то ни было связи между людьми (даже даже конфликтного порядка) оказываются невозможными. Страшен не столько разрыв отношений, сколько их изначальная невозможность. Трагичнее, чем ситуация конфликта, как представляется Пушкину, является ситуация отсутствия возможности для конфликта. Невозможность связей между людьми, параллельное существование, не предполагающее точек соприкосновения, знаменуют собой разрушение единства мира. Предел трагизма, когда твое имя ничего не значит для дорогого тебе человека: «Оно на памятном листке / Оставит мертвый след, подобный / Узору надписи надгробной / На непонятном языке» («Что в имени тебе моем?», 1830). Общение невозможно, если люди говорят на разных языках и слово одного оставляет в душе другого «мертвый след».

Отказ от конфликта, абсолютный разрыв связей, уничтожающий возможности общения, пусть даже конфликтного, – содержание стихотворения «Поэт и толпа» (1828). Конфликт невозможен, не нужен там, где нет возможности понимания: «Не оживит вас лиры глас». Светский

человек, Пушкин никогда не забывает, что дуэль возможна лишь среди равных. К низшим обращаются именно так: «Подите прочь - какое дело / Поэту мирному до вас!» Герой стихотворения называет себя «мирным поэтом» (один из любимых эпитетов, применяемых Пушкиным для самохарактеристики). Конфликт – попытка воздействия на другого, вторжения в чужие личностные пределы. Превыше всего ценящий свободу – и свою и чужую – Пушкин допускает такое вторжение только в тех случаях, когда ощущает встречное движение. Тема безнадежной любви в стихотворении «Я вас любил» для Пушкина может разрешиться лишь уходом. Ср. в «Евгении Онегине»: «Я знал красавиц недоступных /.../ / И, признаюсь, от них бежал» (3, XXII). Конфликт, как и любовь, должен быть взаимным. Для вступления в конфликт соответственно реалистическому сознанию Пушкина должны быть предпосылки разрешения, возможность удовлетворения притязаний личности.

В стихотворении «Чаадаеву» (1821), обращенном к другу, слова «друг» и «враг» являются ключевыми. Музы характеризуются как «богини мира». Себя Пушкин называет «врагом стеснительных условий и оков». Стихотворение, обращенное к другу и воспевающее дружбу среди высших ценностей жизни («того мои мечты, природу и любовь, / И дружбу верную») как фон имеет упоминания о врагах, отношение к которым тоже сформировано другом. Именно благодаря другу поэт научился презирать, то есть возвышаться над обидами, ненавистью и суетой: «Уж голос клеветы не мог меня обидеть: / Умел я презирать, умея ненавидеть». Ср. Онегин, сознавая, что «Конечно, быть должно презренья / Ценой его забавных слов» (6, X), не находит в себе силы для презренья ненавистного светского мненья. У Чаадаева учится Пушкин уметь не воевать с недостойными врагами, а отстраниться, уйти от них. Библейским пафосом презренья, побуждающего отделиться от недостойного, не вступая с ним ни в какие отношения («Ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?/.../ Какая совместность храма Божия с идолами? /.../ И

потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому» --2 Кор. 6, 14-18), исполнено стихотворение «Поэт и толпа». Конфликт предполагает известную общность конфликтующих сторон. При отсутствии такой общности бессмысленно любое столкновение. Зато эта ж общность, которая создает предпосылки для конфликта, делает возможным и примирение. Отсюда вытекает в целом оптимистическая художественная конфликтология Пушкина.

Создавая свой роман в игре возможностями, вариантами, демонстрируя неистощимость поэтической фантазии и виртуозность поэтической техники, Пушкин самой формой романа, бесконечно разнообразной и богатой, указывает на силу, выводящую из жизненных тупиков, противостоящую скуке и привычке. Эта сила – творчество. В пересечении плана героев и плана автора, реальности и литературы, в каждом из которых обнаруживаются творческие возможности, Пушкин выявляет ту позицию, с которой видится мир. Творческая личность относится к миру как к непрестанному творческому акту, в котором совершенствуется и творец, и его творение. Для Пушкина в одном ряду стоят творчество, созидание, духовность как силы, позволяющие человеку подняться над собой и собственным образом жизни, выявив в себе и в своем окружении то высшее и лучшее, чем можно жить, не пресыщаясь, не скучая, находя в жизни смыслы и новые импульсы к дальнейшему развитию.

Литература

1. Бочаров, С.Г. Проблема реального и возможного сюжета («Евгений Онегин») / С.Г. Бочаров //Генезис художественного произведения: Материалы советско-французского коллоквиума. - М., 1986.